

Одни авторы словно бы пишут маслом, густо и сочно, Анна Линская пишет акварелью, виртуозно владея искусством недоговора, намека, тихой, словно сквозь пелену, улыбки читателю.

Однако вот этой легкой поступью Анна Линская заходит в самые потаенные подземелья подсознания и в итоге так же спокойно и невесомо касается самых важных вопросов. Они и оказываются в центре ее нежного и горького рассказа «Лучшие годы»: одиночество, смерть и любовь, ее возможности и ограничения.

Майя Кучерская

Роды видео. Это мой последний запрос в гугле. Я гуглю нашу жизнь. Я гуглю: роды. Включаю запись в середине и тут же выключаю. Я гуглю: с какого возраста брать детей в поход. Я гуглю: горящие туры на новый год цена. Я гуглю: самый долгий брак. Я гуглю: смерть в один день реальные истории. Я гуглю: жизнь после смерти доказательства.

* * *

Весной мы оказались в одном лагере рядом с озером Почувadlo. Она смеялась, когда слышала это слово: как повидло на хлеб намазывать. Мне дали младшую группу, злую, бойкую, полную крикливых мальчишек. Все было еще серым. По утрам стоял туман, морось оседала на одежде, подвально пахло сыростью. Дети носили свитера и ветровки, а ночью накрывались старыми тяжелыми одеялами. Когда редкое солнце выглядывало сквозь прорехи в небе, все замирали, поднимали зеленоватые, зимние лица к небу и жмурились.

Не знаю, что именно она делала в лагере. Может, учила хилых девочек плести макраме. Вот ее взгляд, случайно брошенный на меня, – он сейчас у меня в голове, могу вытащить и положить на стол. Вот ее взгляд.

У каждой девочки по тонкой косичке на спине, сидят лицом к стене, на которой скотчем прилеп-

лены толстые разноцветные нитки, будто хотят себе хвостики сплести, – чем серее девочка, тем разноцветнее нитки. Она и сама только-только выросла из такой девочки. Выросла взглядом – через мутное стекло посмотрела на меня, как солнце с бесцветного неба.

Этого не было, конечно. Это я придумал уже потом.

По-настоящему мы встретились через два года у общих друзей – оказались на одном диване. Мне исполнилось двадцать, мои худые ноги были самым постыдным явлением в природе, я пытался отрастить бороду, много пил, мало спал и боялся оставаться в одиночестве.

Вокруг дивана все дрожало и двигалось, как в любительской съемке. Разноцветные лучи выхватывали стоп-кадрами красные щеки, неестественные позы, задранные ноги, стрелки на колготках, блестящие губы. Воздух отяжелел и стал соленым от пота, хохота и пролитого пива.

После дивана мы оказались на лестничной клетке, потом в ее подъезде. Холодный длинный ключ все время падал на грязную плитку пола, я пытался сдерживать смех, и вместо него из меня вылезал какой-то странный писк, она зажимала мне рот рукой, приговаривая «соседи, тише, соседи», но сама смеялась звонко, заливисто, как умеют смеяться дети лет до десяти – так, что все уходит из них

и остается сплошной смех, легкий, как воздушный шар. Я сполз на пол и ухватил ее за лодыжку, на всякий случай, чтобы не улетела.

История, которую Лийка рассказала после того, как я к ней переехал. Есть такой мир, в котором пишут не книги, а слова. Несколько лет трудятся, чтобы написать одно, переписывают, согласные меняют, гласные вычеркивают. Слово получается настоящим. Вот сейчас осень – это когда пахнет мокрыми листьями. Попробуй опиши, как это. А они такое слово придумают, что ты сразу же все почувствуешь, как услышишь его. Мгновенно.

Еще немного – и тридцать. Говорят, это были мои лучшие годы. Вес я так не набрал, зато отрастил бороду.

Асфальт накалялся, в метро женщины ездили в белых сарафанах и их толстые руки слизнями вылезали наружу, оставляя влажные следы. Мужчины поправляли галстуки, деды на лавочках у прудов, расставив ноги, с хрустом разворачивали газеты.

Моя внимательность тем летом переросла в болезненную манию. Я подмечал каждую мелочь. Я видел тонкую полоску липкого брусничного соуса, медленно сползающую по ладони мужчины за соседним столом, отросшие черные волоски между бровями коллеги, лопнувший сосуд, красной ниткой прошедший через Лийкин глаз, дернувшуюся бровь над этим глазом, движение челюстей под зеленоватой кожей, опять глаз, глаза, которые смотрят на меня и через меня в белую больничную стену.

Квартиру мы продали очень быстро. Деньги были уже через две недели после того, как она мне рассказала. На съемной не было кондиционера, а все подоконники Лийка заставила горшками с пыльными зелеными растениями. Кто-то сказал, что они помогают дышать. Я лежал на ковре и старался не шевелиться. Работать – есть – в больницу – спать – работать – есть – в больницу. Было время как раз для больницы, но я лежал на ковре и старался не шевелиться.

В таком положении тело отключалось, голая спина переставала чесаться от ковра, а на боках высыхал пот. Не отключалась голова, но для этого у меня были маленькие белые таблетки. Таблетки погружали под воду. Сердце начинало биться медленно и гулко, на каждую мысль уходило столько времени, сколько без таблеток уходило бы на целый десяток. *Я не знаю, что хуже: то, что она заболела, или то, что я в это время.* Еще мысли переставали цепляться друг за друга. *То, что я в это время*

пошел за. Следствие теряло причину. Оставался голый тезис. Голый тезис о том, что она заболела, что надо работать, есть, ехать в больницу, спать, работать, есть и ехать в больницу.

То, что в это время я пошел за другой женщиной.

А до этого я пришел в ее дом. Еще раньше я не поехал в больницу. Мне всегда нравилось имя Марина, соленое имя. Марина была, конечно, в зеленом. Сидела она на зеленом же диване, я смотрел на ее грудь. Я говорил ей, что не вижу остального, что оно сливается с диваном, говорил совершенно серьезно, пока она смеялась – грубо, громко, открывая розовый рот с потемневшим от красного вина языком.

– На что это похоже? – Я попытался привлечь Лийкино внимание. Хотелось пощелкать пальцами перед ее лицом.

Классе в седьмом мать записала меня на дополнительные занятия по психологии, которые вела крупная женщина с красной помадой, остававшейся на зубах. Нас было человек шесть, все девочки и я. Мы проходили тесты и делали странные упражнения. Как-то раз разбились на пары и сели на старые школьные стулья друг напротив друга. Один должен был смотреть поочередно на своего партнера и сквозь него, на и сквозь, второй – догадаться, когда смотрят на него, а когда сквозь. Я внимательно смотрел в глаза одноклассницы, вцепившись пальцами в стул. Вот сейчас она меня не видит. Сейчас не видит. Ну же. Сейчас не видит. Посмотри на меня. Сейчас не видит.

– Что? – Лия посмотрела на меня.

Я заметил, что рядом с лопнувшим вчера сосудом пролезла еще одна красная черточка.

– Ну это. – Я махнул рукой куда-то в сторону больничного коридора.

– А, – она задумалась, – это похоже на похмелье.

Всего-то, похмелье.

Когда одноклассница на меня посмотрела, я вздрогнул, заволновался и, стыдно вспоминать, чуть не заплакал, тринадцатилетний пацан. Что-то было в этом такое, меня увидели.

История, которую Лийка рассказала мне перед выпиской. Есть у меня один знакомый, который всю жизнь слышал внутри себя голос. Голос знал, как нужно поступать. Это началось, когда он был еще ребенком. Его маленькая подружка (нет, не я) спросила, идти ли купаться на провальное озеро. Голос сказал – идти, мой знакомый повторил, а маленькая его подружка пошла и не вернулась. Это, слава богу, было самое страшное, больше советы голоса к тако-

му не приводили. Мой знакомый не всегда был согласен с тем, что слышал, но ничего ведь не поделаешь, у каждого своя судьба, да и с голосом не поспоришь. Ему даже иногда становилось мерзко-мерзко внутри, но ведь голос. Голос одобрял интрижки друзей, какую-то мелкую ложь, иногда советовал обожать с тратами, иногда – спустить все и не жалеть. Обычные бытовые истории. А потом, годам к пятидесяти, мой знакомый вдруг понял, что не было никакого голоса. Точнее, был, но его собственный.

Последний раз мы занимались сексом полгода назад. Был вечер субботы. Мы, как обычно, не могли договориться, какой фильм смотреть. Я сказал, что если она займется со мной сексом, я всегда буду соглашаться на ее кино. Она несколько раз переспросила, всегда ли. На ней были дырявые пижамные штаны, она не побрила ноги, мне было все равно. После мы смотрели что-то про трех сестер в викторианской Англии. Это было в декабре. Потом наступил январь, февраль, март, апрель и май.

У всех есть большая миссия. Моя – не оставаться одному. Лийкина – делать так, чтобы всем вокруг было хорошо. Она могла пять раз переспросить меня, действительно ли я хочу пойти с ней в парк. На пятый раз мне, конечно, уже не хотелось никуда. Мы никогда не ссорились. Я с трудом выдавил из нее признание в том, что она больше не хочет секса. Мы договорились на компромиссное раз в месяц, но прошло уже полгода.

В последнее время у меня появилась аллергия на шум. Стоило только Лийке хрустнуть салатом, и мне сразу казалось, что она сидит на моей груди и чавкает куда-то в самое ухо. Лийка обижалась. Я погуглил, в интернете это называют мизофонией.

Месяц назад в верхнюю квартиру въехала новая соседка, и я слышал, как она шаркает. Еще хуже, чем Лийкина еда. Я даже поднимался к ней наверх: обои с огромными разноцветными цветами, стеллаж из темного дерева в коридоре, пахнет старостью, низенькая женщина с большим носом.

Я хотел переехать от этого шума. Лийка не хотела. В ней вообще будто что-то сломалось. Предел ее решений сузился до ближайших выходных. Она не могла сказать мне, поедет ли со мной в отпуск. Не могла решить, менять ли нам стиральную машинку. Вчера расплакалась, потому что не смогла выбрать одежду на работу.

Старушка опять зашаркала. Я представил ее тапки, красные с черными завитушками по бокам и тяжелой негнушейся подошвой. Она приподнимает ногу над полом, большой носок собирается гармош-

кой на ноге. Кожа на ноге тоже как носок, неровная и в пятнах. Толстый пыльный каблук проезжается по полу. Толстый пыльный каблук проезжается по полу. Толстый пыльный каблук.

Я добежал до туалета, схватил швабру, вернулся в комнату и несколько раз стукнул черенком в потолок. На меня осыпалась штукатурка. Шарканье стихло. Кажется, старушка в квартире замерла так же, как и я со шваброй. Я ждал, пока она сделает следующий шаг. И она сделала. А я сильно ударил шваброй в то место, куда она ступила, и быстро пошел к Лийке на кухню.

– Давай переедем.

Она отложила телефон и улыбнулась мне.

– Почему ты улыбаешься? – спросил я.

– Я улыбаюсь тебе. – Она выделила голосом последнее слово, как будто это что-то объясняло.

– Когда мы переедем?

– Я не знаю. – Она все еще улыбалась.

– Я перееду один.

Это было страшно, но не так, как я себе представлял. Все внутри меня ухнуло вниз, задрожало в предвкушении. Я прислонился к стене. Нужно было сказать, что все это шутка. Что я, конечно, не хочу никуда один. Но я молчал. Я хотел.

– Слушай, – сказала она, снова улыбнулась, но криво, как будто нехотя. – Помнишь, я ходила к врачу вчера? Они кое-что нашли.

История, которую Лийка рассказала, когда мы познакомились. Жила-была маленькая птичка, воробушек, черноглазый, сизокрылый, юркий мальчишка-воробушек. Жил он, конечно, в Москве, успел даже раз свить гнездо, но, как дурак, в скворечнике. Туда заглянули человеческие дети – и пиши пропало. Воробушек вроде не сильно расстроился, даже забыл об этом к следующему сезону. Как-то раз он прыгал по земле в поисках крошек, и что-то сзади топнуло. Он полетел, вперед, вперед, вправо, влево, вперед – куда мог, туда и летел, несколько раз бился о стекла и оказался в метро. Под ним грохотали поезда и ходило много людей. Страшно. Воробушек летал во все стороны, но все время наткнулся на стены. Летал, кричал, летал, кричал, но не было выхода, только стены. Тогда он заполз в какую-то темную выемку, нахохлился и умер там. От одиночества, конечно.

Я старался меньше времени проводить дома. После тридцати я понял, что так пугало меня в пустой квартире. Оказалось, я не выношу своего общества. Лийка боялась измены. Мое «я люблю тебя» было признанием в ее незаменимости, моей постоянной,

ежеминутной нужде в ней. Измена же значила противоположное, измена говорила: я больше тебя не вижу. Она была в вечной погоне за теми, кто должен был заметить ее и полюбить. Чем больше, тем лучше, всех в кучу и меня сверху.

На улице заканчивался ноябрь, черный месяц, тут и там проедаемый тусклыми желтыми фонарями. Все, что могло, уже высохло и приготовилось к снегу. Но и зиму обещали как ноябрь, сухую и ветреную. Я включал весь свет, когда приходил домой, но это не очень помогало. Ноябрь все равно просачивался через мои свежепоставленные дорожные окна, через тяжелые занавески в комнату, он полз к кровати, к моему теплу.

Я открыл глаза и увидел Лийку. Она сидела на полу, как и раньше. Из квартиры в квартиру за нами всегда кочевал ее ворсистый бежевый ковер. Я и сюда его перенес. Иногда в нем все еще попадались ее волосы.

Тем летом Лийка похудела килограмм на десять и снова стала похожа на себя восемнадцатилетнюю, маленькую девочку с большими глазами. Я прочитал в «Википедии», что ее имя образовано от аккадского слова «литту», в переводе – «корова». В детстве я каждое лето жил у бабки в деревне. Когда я проезжал на велосипеде мимо пастбища, коровы медленно поднимали головы и смотрели мне вслед. Мне всегда казалось, что этими своими огромными глазами они смотрят куда-то в параллельную реальность, сквозь меня, прямо в космос.

– Лийка? – Я приподнялся, но она жестом остановила меня.

– Не вылезай, тут холодно, – сказала она.

Она улыбнулась. А потом засмеялась, звонко, легко. Смеялось все ее тело, как раньше.

– Смотри, как я теперь умею, – сказала она.

Лия встала, подошла к кровати, наклонилась ко мне и произнесла какое-то слово. Звук дошел до меня как из-под воды.

– Что?

Я откинул одеяло и вскочил с кровати. Ее не было. Всю комнату заполнил запах мокрых осенних листьев.

Я остался один.

